

Заметка о «русском счастье»

Ну почему русское счастье такое дурацкое?
(из Интернета)

Прежде всего, следует отметить устойчивые представления среди самих русских о том, что «русское счастье» какое-то особенное. Оно не обязательно «дурацкое», но не такое, как у других. Показательны анекдоты на эту тему. Например, такой.

Американец: счастье - это когда собственный бизнес, счет в банке.

Немец: хорошая работа, деньги, дети с образованием и пиво по вечерам у камина.

Русский: счастье - это когда сидишь на даче, пьешь пиво, и вдруг в калитку вваливается ОМОН, вяжет в пучки и спрашивают - это Садовая дом б? И ты совершенно счастливый отвечаешь: Нет! Это Садовая дом 8.

Идея специфичности «русского счастья» характерна не только для внутренней точки зрения. С внешней позиции существует устойчивое мнение, что русские не просто несчастливы, но и упиваются своим несчастьем¹. Менее всего хотелось бы обсуждать тему уникальности «русского счастья», а тем более говорить о специфике «национального характера». Уверен, что многим из рассматриваемых ниже «особенностей» можно найти параллели в других культурных традициях. Цель заметки другая – показать (насколько это возможно) глубинные схемы, на которых основываются современные представления о формуле «русского счастья».

Я рассмотрю две маргинальные темы «русского счастья». Первая представлена известным выражением *дуракам всегда везет* (в компанию к ним зачисляются пьяницы, новички и дилетанты). Ср. также: *дуракам счастье; счастье придет и на печи найдет* и проч.

¹ В этом плане показательны наблюдения Нэнси Рис о «сакрализации страданий» в русской традиции (Рис 2005: 226-273). Ср. также материал в The Guardian, озаглавленный «Будь счастлив, что ты не русский, в противном случае это – невозможно» о проведенном Руутом Веенховеном обследовании на тему «Правда ли, что русские так несчастны, как они говорят?» (вывод: правда). См.: <http://palm.newsru.com/world/06apr2004/guardian.html>

Вторая тема представлена не менее известным формульным выражением: *счастье - это когда у соседа корова сдохла, а не когда у тебя отелилась*. Эта тема оказалась особенно продуктивной в наши дни. Ср. современные модификации, которыми полон русский Интернет: *Счастье это когда у соседа... «Mercedes» угнали; «Криворожсталь» сдохла* (об отношениях с Украиной); *курыдохнут* (в связи с птичьим гриппом); *клиент несколько часов понапрасну ждет*. Или более пространное: *«Счастье - это когда у твоего соседа-везунчика внезапно сгорят дом и гараж с машиной, с работы его уволят за растрату и отдадут под суд, жена его бросит, сын станет наркоманом, дочь - привокзальной проституткой, сам он заболит туберкулёзом, раком и СПИДом, с горя в три месяца сопьётся и будет варнякать что-то невнятное из лужи под твоими окнами, а ты, высунувшись из окна, сыто икнув, скажешь ему: - Ну что же ты, соседушка, в самом деле – расстраиваешься из-за подобных пустяков!»*. Анекдот, приведенный в начале этой заметки, разрабатывает эту же тему.

Назовем первую тему условно «**дурацким счастьем**», а вторую – «**счастьем от чужого несчастья**» и обратимся к некоторым традициям изучения концепта *счастье*.

Со времен В.Даля для слова *счастье* выделяется два круга значений. Первый описывается с помощью таких понятий как удача, случайность, желанная неожиданность. Второй соотносится с представлениями о блаженстве и полном осуществлении желаний. Описанию этих значений посвящены появившиеся в последнее время работы о концептуализации *счастья* в русской языковой картине мира (Воркачев 2001; Шмелев 2002; Колесов 2002; Заляляева 2004 и др.). Предпринимаемые попытки выявления семантических констант слова *счастье* оставляют впечатление, что за пределами внимания остается нечто весьма существенное, быть может определяющее характер русского *счастья*. Я имею в виду комплекс представлений, связанных со своего рода метафизикой счастья в русской традиции.

Хорошо известно, что оба упомянутых комплекса значений восходят к представлениям о доле, участи, судьбе. Внутренняя форма слова *счастье* достаточно прозрачна: основным морфологическим и семантическим компонентом является *-часть*. Начальное *съ* с редуцированным гласным связывается с др.инд. *su-* со значением 'хороший, добрый' и таким образом все слово трактуется как 'хорошая часть', 'добрый удел'. Показательно, что еще в прошлом веке слово *часть* могло использоваться в значении 'счастье' и наоборот (ср. выражения типа "*своей части (участи, счастья) не минуешь*", "*час придет и часть (долю, счастье) принесет*", "*сидень сидит, а часть (доля) его растет*" и др.).

А.А.Потебня в свое время отметил устойчивые представления о том, что «на свете есть определенное количество счастья и несчастья, болезни, добра и зла, и нет избытка ни в чем. Если один заболевает, то значит к нему перешла болезнь, оставивши или уморивши другого» (Потебня 1989: 486). Точно так же, если кому-то посчастливилось, то это означает, что у другого случилось несчастье (*счастье переходя живет*). Из этого следуют два важных положения. Во-первых, совокупное счастье людей, его "количество" как бы изначально определено и является величиной постоянной. Во-вторых, речь может идти о своеобразном принципе компенсаторности: сколько в одном месте убыло, столько в другом прибыло (Журавлев 1999: 114). Причем этот принцип распространяется не только на счастье (долю), но и на все то, к чему применимо понятие *меры*². В полном соответствии с этими представлениями Господь Бог не умножает блага, а лишь распределяет их между людьми: "Бог не гуляет, а добро перемеряет".

Собственно, именно такое понимание счастья и нашло свое выражение в обеих рассматриваемых схемах. «Счастье от чужого несчастья» основано на том, что общий «объем» счастья/несчастья делится на двоих. В таком случае несчастье X делает автоматически счастливым Y. При этом несчастье другого является своего рода гарантом того, что у тебя его в ближайшее время не случится (оно уже занято другим). Разумеется, на эту голую схему накладываются мотивы зависти, злорадства и др., но глубинный смысл от этого не меняется.

С этой своеобразной метафизикой счастья связаны устойчивые представления о том, что счастье всегда чревато несчастьем, которое спешит ему на смену или в лучшем случае уравнивает его: «кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе». В этом контексте становится естественным двойственное отношение к счастью: *счастье – что палка: о двух концах; счастье что волк: обманет и в лес уйдет*. Если счастье всегда случайно, то последующее за ним несчастье вполне закономерно. Предвкушение счастья оказывается дороже самого счастья³.

² В свою очередь, понятие *меры* применимо ко всему, что имеет предел.

³ Идея ограниченности счастья и несчастья и как следствие – представления о том, что счастье непосредственно связано с несчастьем, не может не отразиться на их восприятии и переживании. Может быть с этой идеей связан и характерный налет трагизма в восприятии счастья, характерный для поэтических текстов: *О, как мучительно тобою счастлив я* (Пушкин). Но она же позволяет видеть в несчастье залог понимания счастья: *Поверь, мой друг, страданье нужно нам; / Не испытав его, нельзя понять и счастья* (Баратынский).

Несколько сложнее с «**дурацким счастьем**». В традиционной метафизике ограничен не только объем счастья/несчастья, но и ума/глупости. Избыток ума у одних ведет к его недостатку у других (*на детях умных родителей природа отдыхает*). Причем эти парные категории находятся в определенном соотношении друг с другом. Недостаток ума компенсируется тем, что дураку везет, и на его долю выпадает счастье. Соответственно, наличие ума не предполагает такого везения, и в подтексте умный если и не несчастен, то лишен везучести дурака. Более того, само наличие ума может расцениваться как несчастье (*горе от ума*). Не случайно столь распространены контексты, в которых ум и глупость оказываются синонимами несчастья и счастья соответственно. В то же время счастье и ум могут преподноситься как своего рода конкурентные возможности, причем предпочтение в таком случае отдается счастью: *счастье дороже ума* (ср.: *счастье дороже богатства; не родись красивым, а родись счастливым* и под.).

Строго говоря, ни принцип ограниченности счастья (ума, жизненных сил и т.д.), ни принцип компенсаторности не делают счастье «русским»⁴. Таковым оно становится только тогда, когда в процесс «распределения» вмешивается *случай*⁵. А он всегда сопутствует счастью. Точнее, счастье является лишь одним из проявлений случая. При этом случай настолько случаен, что повезти может и умному, но ему все же ближе дурак, который ведет себя «не по правилам», точнее, не по тем правилам, которых придерживается умный. По-русски можно сказать «дурацкий случай» и нельзя сказать «умный случай». Умному свойственно минимализировать случайность и вместе с ней шансы на «счастливый случай».

Отнесение счастья к сфере случайного сводит на нет все рациональные усилия по его обретению. Получается, что счастье всегда не просто неожиданно, но и незаслуженно. Оно случается у того, кто не только ничего не сделал, чтобы его добиться, но и не стремился к нему. Именно случай является тем семантическим шифтером, который делает вполне упорядоченную картину счастья абсолютно беспорядочной, и счастье становится «русским». Его «неправильность» (даже с точки зрения носителей традиции) только способствует устойчивости и продуктивности тех схем, на которых оно основано.

⁴ Представления об ограниченности жизненных благ характерны и для других крестьянских традиций (Foster 1965: 293-315).

⁵ У счастья и ума разные «распорядители». При том, что Бог считается подателем и того и другого, счастьем все же распоряжается по большей части случай (*счастливый случай*), в то время как Бог имеет преимущественные права на распределение ума: *счастье везет дураку, а умному Бог дал*.

Библиография

- С. Г. Воркачев. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47-58.
- А.Ф.Журавлев. Доля // Славянские древности / Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И.Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 113-115.
- А.Р. Залялеева. Концепт «счастье» в современном русском языке // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Казань, 2004. С.268-269.
- В.В. Колесов. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб., 2002. С.98-106.
- А.А.Потебня. О доле и сродных с нею существах // А.А.Потебня. Слово и миф. М., 1989. С.472-551.
- Нэнси Рис. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.
- А.Д.Шмелев. Русская языковая модель мира. М., 2002. С. 175-180.
- George M. Foster. Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist. 1965 (2). Pp. 293-315.